

**Л. А. Блинкова, Р. Г. Бородько,
И. И. Одинцова, Н. И. Савушкина**

КИТЕЖСКАЯ ЛЕГЕНДА И НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА ЗАВОЛЖЬЯ

Комплексная экспедиция, организованная отделом науки «Литературной газеты», в 1968—70 гг. вела работу по изучению оз. Светлояр и связанной с ним легенды о граде Китеже¹. Фольклорной группой экспедиции было сделано большое количество записей устных версий и вариантов легенды, бытующей особенно широко в окружающих озеро деревнях². Это позволило определить состав легенды и проследить ее эволюцию.³ Материалы экспедиций, работавших в Горьковской (известные нам по архиву Горьковского университета) и других областях (архив кафедры фольклора МГУ) свидетельствует о том, что и сейчас легенда о граде Китеже продолжает бытовать только как местная. В других районах и областях она не зафиксирована. Широкую ее популярность следует отнести за счет известной оперы Н. А. Римского-Корсакова, а также произведений П. И. Мельникова-Печерского, В. Г. Короленко, М. М. Пришвина.

Методология исследования местных легенд, предложенная в свое время В. Л. Комаровичем, предполагает «ориентацию на топонимику и археологию или, верней, на опознаваемые при их помощи внелитературные факторы изучаемого жанра»⁴. Там Комарович реализовал ее в основном применительно к письменной версии китежской легенды, входящей в «Книгу, глаголемую летописец» — старообрядческое произведение конца XVII — начала XVIII в., с которым теснейшим образом связана устная легенда о Китеже. В. Л. Комарович исследовал топонимику Китежа (Кидекши) и привел значительное количество взятых из летописей исторических фактов, нашедших, по его мнению, отражение в легенде.

В. Н. Басилов, проанализировавший китежскую легенду в связи с религиозным культом и гидронимикой оз. Светлояр⁵, также в основном опирался на письменную версию, хотя привлекал к анализу и фольклорные записи. Полемизируя с В. Л. Комаровичем, В. Н. Басилов считает, что светлоярский культ сложился сравнительно поздно. О времени и причинах его возникновения он пишет:

¹ См. «Литературная газета», 1968, № 32, 37, 39, 48; 1970, № 11, 40; 1971, № 2.

² Информация о результатах экспедиций 1968 и 1969 гг. См. «Русский фольклор», т. XII, М.—Л., 1970, стр. 270, 271; т. XIII, М.—Л., 1972, стр. 273.

³ См. Н. И. Савушкина, Е. Ю. Богданова, Н. Б. Юдина, М. Ю. Юхневич, Новые записи легенды о граде Китеже, «Вестник МГУ», филология, 1969, № 3, стр. 78—83; Н. Савушкина, Китеж — был ли сказка? Легенды и факты, «Наука и религия», 1969, № 6, стр. 61—65; Н. И. Савушкина, Легенда о граде Китеже в старых и новых записях. «Русский фольклор», т. XIII, М.—Л., 1972, стр. 58—76; в последней работе освещена история изучения легенды.

⁴ В. Л. Комарович, Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд, М.—Л. 1936, стр. 2.

⁵ В. Н. Басилов, О происхождении культа невидимого града Китежа (монастыря) у озера Светлояр, «Вопросы истории религии и атеизма», вып. XII, М., 1964, стр. 150—170; В. Н. Басилов, О названии озера Светлояр, сб. «Ономастика Поволжья», 2, Горький, 1971, стр. 269—272.

«Вдохновенная апокалиптическими пророчествами группа раскольников решила, что скрытый богом от антихриста монастырь находится в глухих заволжских лесах... Уже существовавшая легенда о граде Китеже придала этой идее конкретное оформление: организаторы культа невидимого монастыря отождествили его с градом Китежем... «Книга» была написана для того, чтобы придать сказанию о граде Китеже новое назначение, сделать легендарный город невидимым монастырем». И далее: «Со временем при устной передаче из легенды исчезли идеи, волновавшие приверженцев раскола, и она обрела ту форму, в которой известна наиболее широко: город скрылся (провалился), как только приблизился Батый. Вряд ли есть смысл (пропущено в тексте — «видеть» — *Авт.*) в народном «устном» варианте легенды отголоски каких-то действительных исторических событий. Легенда об ушедших в воду церквях или городах связана со многими озерами и распространена чрезвычайно широко — как в пределах нашей страны, так и вне ее»⁶.

Соглашаясь с В. Н. Басиловым в том, что зафиксированная собирателями легенда о Китеже позднего происхождения и что не стоит искать в ней только отголоски каких-то реальных исторических событий (как это делал В. Л. Комарович), мы, тем не менее, по-прежнему считаем спорным (вернее недоказанным) существование более ранней целостной легенды о граде Китеже, не связанной с культом озера.

Неправомерно связывать известную нам по записям легенду только с культом озера или идеологией старообрядчества, а также считать, что основой ее является бродячий мотив провала. Устная народная легенда как жанр не является выражением только религиозных или только исторических представлений. Она отражает целостное народное поэтическое сознание, синтезировавшее верования и представления разных систем — религиозных, исторических, социально-утопических, и с этой точки зрения относится к сфере произведений народной несказочной прозы с ее особой художественной спецификой, особыми формами бытования.

Установлено, что китежская легенда чрезвычайно сложна по своему составу⁷. Однако бытует она в виде небольших рассказов об обстоятельствах исчезновения Китежа, чудесах и видениях на берегах оз. Светлояр и т. д. Эти рассказы тяготеют либо к историческому местному преданию, либо к суеверной быличке. Их мотивы иногда локальны по своему характеру, иногда сходны с международными и являются «бродячими мотивами». Китежская легенда — это своеобразный сплав, иногда очень древних по происхождению, мотивов, но в целом она отражает уровень художественного мышления и представлений народа в XVII — начале XVIII в. Если сравнить современные записи со свидетельствами конца XIX — начала XX в., можно отметить эволюцию легенды, что сказывается, в частности, на отношении рассказчиков к повествованию: что раньше принималось на веру, ныне подвергается сомнению или отодвигается в далекое прошлое.

Важно выснить механизм возникновения легенды, проследить, каким образом природные явления, исторические события и факты, отразившиеся в верованиях и представлениях народа, привели к образованию устной китежской легенды и способствовали длительному бытованию ее как легенды местной, параллельно с «Книгой, глаголемой летописцем», (которую она никогда не дублировала), а также и многие годы спустя после выхода из употребления и даже забвения «Книги». Ответить на все эти вопросы можно лишь при помощи сравнительно-исторического анализа. В. Л. Комарович, критикуя такой анализ, истолковывает его весьма ограниченно, лишь как констатацию «простой смены заимствований перекроенного сюжета». На самом же деле сравнительно-историческое изуче-

⁶ В. Н. Басилов, О названии озера Светлояр, стр. 271.

⁷ См. Н. И. Савушкина, Легенда о граде Китеже в старых и новых записях, стр. 63—64.

ние позволяет выявить как генетические и исторические закономерности рассматриваемого явления (в данном случае рассказа о провалище), так и его национальную специфику. Однако сравнительно-историческое изучение местной легенды в «мировом масштабе» должно предваряться выявлением ее непосредственной питательной среды, поскольку даже при поверхностном взгляде обнаруживаются тесные связи между ней и другими сюжетами и жанрами народной несказочной прозы (другими местными преданиями, легендами, быличками). На это уже обращали внимание⁸.

Конкретное изучение этих связей, выявляющихся, может быть, более наглядно именно на настоящем этапе жизни легенды, в пору почти полного вырождения и умирания светлоярского культа, и является задачей данной работы.

Имея в виду эту задачу, решено было расширить в 1969 и 1970 гг. зону экспедиционных исследований. На территории только Воскресенского района Горьковской области кроме Светлояра находится около 20 больших и маленьких озер. Мы побывали на двух из них — Нестиаре (в 30 км от с. Воскресенского) и на безымянном озере, называемом часто по деревне — Озерское (в 12 км от Воскресенского). Оказалось, что и об этих озерах среди жителей окрестных деревень до сих пор ходит немало чудесных рассказов⁹. Тут же бытует и китежская легенда. Мы стремились записать ее также и вдаль от озер — в деревнях Топан, Быдрей, Рассадина, Орловка, Гришино, Зимарка и др.

Записи 1969—1970 гг. позволяют выявить как сходство, так и различия местных легенд, связанных с названными озерами. Один из основных мотивов китежской легенды — провал в озеро церкви, села или города — встречается и в рассказах о Нестиаре и Озерском: Будто в Нестиарах церковь стояла, провалилась, потом озеро стало» (И. Р. Карпов, 92 года, д. Быстрец). «Говорили, что в Нестиарах в озере церковь на дне, и будто слышны колокола» (М. А. Скатова, 58 лет, д. Рогово). При этом точно указывается место, где якобы стояла церковь «в ельшнике», «у истока». Иногда в рассказах вместо церкви фигурирует город: «Про наше озеро говорили, что на берегу был город: и он в озеро провалился. Тут недалеко вроде как могилы заметны, так мой отец говорил, что это их кладбище было» (П. Р. Беленков, 79 лет., с. Нестиары). То же рассказывают и о другом озере: «Наше озеро безымянное. Все говорили, что была церковь и провалилась, но это, может быть, было тысячу лет назад» (В. И. Федорова, 40 лет, д. Озерское). «Будто бы было село или город, обвалилось, озеро стало, раньше слыхала от стариков» (М. В. Кулевая, 65 лет, д. Кузнецово).

В рассказах о Нестиаре и Озерском нет мотива провала в землю, присутствующего в китежской легенде. Здесь город, село или церковь, как правило, проваливаются в озеро. Кроме того, в светлоярской легенде, записанной вблизи от озера, обязательно объясняются причины провала. В новых записях, сделанных в более удаленных от Светлояра деревнях, «историческое» объяснение (город проваливается, чтобы не достаться врагу) встречается крайне редко. Чаще встречаются другие версии: город или церковь провалились за грехи, недостойное поведение жителей, священников или просто в результате стихийного бедствия. Эти мотивы характерны для легенд многих стран¹⁰.

⁸ См. В. Смирнов, Потонувшие колокола, «Третий этнографический сборник», «Тр. Костромского научного общества по изучению местного края», вып. XXIX, Кострома, 1923.

⁹ Нестиарская легенда упоминается у П. И. Мельникова-Печерского, в кн. «В лесах», ч. III, гл. 17; А. П. Мельников, К трехсотлетию смутного времени, Нижний Новгород и Нижегородский край, М., 1811, стр. 132; В. Л. Комарович, Указ. раб., стр. 14.

¹⁰ В. Н. Перетц, Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах, «Изборник Киевский» (в честь Т. Д. Флоринского), Киев, 1904; Н. А. Сумцов,

На Нестиаре легенды о провалище бытуют в несколько ином виде. В них объяснение причин катастрофы либо вообще отсутствует, либо нечетливо: «Болтают, что давно, лет триста назад, был городок и провалился. Был не нашей веры» (И. П. Беленков, 89 лет., д. Нестиары). Записана также явно старообрядческая версия провала, известная и в литературе XIX — начала XX в.¹¹: в озеро проваливается церковь, пришедшая из-за Волги вслед за взятой (или ушедшей) из нее иконой: «Волгу перешла и болота все прошла, а здесь в озеро потонула. Я слышал от местных жителей, как сюда вышла, и в том конце (т. е. в елшиннике у истока — Авт.) провалилась» (Г. Беленков, 31 год, уроженец Нестиар, проживающий в пос. Красные Баки). В измененном виде эта версия связывается с Китежем: «Будто бы церковь была Варфоломея, от глаз людских, от нападок врагов из города Китежа скрылась, пришла сюда и ушла на дно» (Ф. М. Зеленов, 83 года, д. Нестиары).

Как и китежская, нестиарская легенда иногда объясняет провал стихийным бедствием: «Под землей пустота была», «берега опустились, место было жидко» и т. д. «Предание есть, тут была церковенка какая-то у первых людей, а потом провалилась, опустились берега» (А. Г. Сычев, 68 лет, д. Заозерье-Хохловка). На Озерском же провал церкви никак не объясняется. Рассказчики здесь часто, мотивируя провал, «идут от противного»: «У нас Петров день — праздник, а нигде в округе нет такой церкви, то и говорят, что будто она провалилась» (В. И. Федорова, 40 лет, д. Озерское).

Рассказы о провалах, так или иначе связанные с христианской религией, вообще характерны для Заволжья. Их часто можно услышать от верующих старых людей. Неоднократно записан рассказ о помещике (купце), любая постройка которого проваливалась в землю. Объясняют это либо святостью места, на котором нельзя было возводить постройки (например, на берегу Светлояра), либо греховностью помещика, пользовавшегося правом первой ночи. «Один купец хотел дом строить. Строит-строит, фундамент построит, а все под землю идет. Так и не построил. Господь не допустил. А то и второй бы построил, а господь не допустил — святое место» (неизв. женщина, записано у оз. Светлояр).

Довольно широко бытуют среди определенной части старых людей и легендарные рассказы о чудесах — явленных чудотворных иконах, всякого рода знаменях. Они, как и рассказы о провалах, отнесены в прошлое. Нам приходилось слышать о том, как «в Лобачах вышла икона во двор из забора» (В. И. Черняева, 73 года, д. Быдрей), как «заплакала» церковь, когда с нее сняли кресты (М. А. Скатова, 58 лет, д. Рогово). Рассказы о чудесах послужили в свое время почвой для создания как китежской, так и других «провальных» легенд, а в дальнейшем способствовали их существованию и взаимовлиянию. В свою очередь, легенда о Китеже поддерживает бытование подобных рассказов. Конечно, в прошлом их было значительно больше¹². На горах около Светлояра есть «священные» деревья, к которым и сейчас приходят молиться старообрядцы.

Христианские чудеса — неотъемлемая часть рассказов о граде Китеже и других провалищах. Обязательными компонентами этих легенд (что и дает, собственно, основание считать их легендами) являются «вести» из затонувшего города, села или церкви. Рассказывают, что со дна озера (а на Светлояре и из гор) доносится звон колоколов, слышатся церков-

О провалившихся городах, «Сборник Харьковского историко-филологического общества», Харьков, 1896, т. 8; Б. Кербелите, Литовские предания об исчезнувших городах, «Сов. этнография», 1963, № 5.

¹¹ Я. Кучин, Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью, Саратов, 1865, стр. 81, 82; А. П. Мельников, К трехсотлетию смутного времени, стр. 132.

¹² См. В. Н. Басилов, О происхождении культа невидимого града Китежа (монастыря) у озера Светлояр.

ная служба, молитвы; на воде и в горах видно мерцание свечей, показываются иконы, кресты, церковный престол, иногда главы собора. Эти бродячие мотивы «подкрепляют» легенду о затонувшей обители или городе на всех трех озерах. Причем, на Нестиарском озере и Озерском преобладают рассказы о «видении» света и звона, рассказы же о появлении людей единичны. Этих необыкновенных, являющихся из-под воды персонажей рассказчики представляют в виде русалок. На Нестиаре, кроме того, широко распространены рассказы о том, как женщины во время полоскания мотков пряжи или белья задевали за кресты церкви. О прямом общении с жителями подводного города или церкви говорят только на Светлояре.

Участники экспедиций 1969—1970 гг. записали много историй о фантастических, необыкновенных случаях на Светлояре. Наиболее распространены такие сюжеты: город, исчезнувший когда-то, продолжает жить, горы на берегу озера — это скрытые дома, соборы, а овраги — улицы. Раньше будто бы из этих гор выезжали подводы за хлебом, а затем снова скрывались в горах. На озере иногда появлялись праведные старцы, которые помогали людям, приходившим на озеро за помощью. Некоторым из них, особенно набожным, раскрывались даже ворота в этот невидимый мир.

Эти рассказы входят в состав китежской легенды, но выглядят они отнесительно законченными и могут рассказываться отдельно. По нашему мнению, они более всего похожи на былички, и далее мы их будем называть рассказами типа быличек. В отличие от легенды и преданий былички опираются на народные поверья, подразумевающие существование демонологических существ иного, невидимого мира, который в какой-то момент может себя проявить. Причем, проявляет он себя в устойчивых ситуациях, сходных с ситуациями наших рассказов. Однако рассказы, записанные нами, отличаются от быличек иным кругом персонажей: основные действующие лица в них не демонологические существа, а обычные старики, монахи. Композиционно эти рассказы сложнее традиционных быличек, в них много развернутых диалогов, красочных описаний. Они довольно велики по объему.

Можно предположить, что на формирование их оказали влияние распространенные в этих местах традиционные былички, в которых рассказывается о нечистой силе, домовых, колдунах, леших, русалках. Участниками экспедиции зафиксированы все персонажи и почти все сюжеты быличек.

Нами записаны рассказы, в которых традиционные мотивы быличек объединяются с мотивами «подземной жизни». Сам город в них не присутствует, однако подразумевается, что внезапно появляющиеся перед человеком или живущие в горах старики — жители Китежа. Наиболее распространен следующий сюжет. Как-то пастух, заблудившись, очутился под землей и провел там ночь. «Святые» не позволили ему остаться, потому что он попал к ним случайно, а не намеренно. Кусок хлеба, спрятанный пастухом, превратился на земле в гнилушку. В этом рассказе отчетливо видны два мотива: легендарный мотив ухода под землю и быличковый мотив общения с нечистой силой. Очень распространена быличка о том, как в лесу мужику дают кусок хлеба или лепешку, а дома или после того, как он перекрестится, все это превращается в труху, гнилушки.

Другой рассказ таков: «Вот там у родника стояла раньше береза... Свалилась... И под те корни пролезти можно было на карачках... Раз один был у нас тут мужик и полез туда. Лез, лез, а мне сказывали и совсем пропал. Только к ночи вылез, седой, молчит, не говорит, дрожит и плачет. Рассказал попу на духу, что он лез, лез, потом видит место светлое, и на том месте сидят старцы светлоликие, дела крестьянские разбирают. И он своего деда узнал, а дед ему пригрозил клюкой, не ве-

дел больше лезть, и на него птица с клювом напала, так его исклевала, а старцы будто не видят. Он насилу назад дорогу нашел. И потом наказано ему было, чтоб никто больше не смел к тем скрытникам ходить»¹³. Здесь легко обнаружить соединение двух мотивов: «под землей скрываются старцы» и общение с покойниками, с царством мертвых. Причем описание этого царства очень красочное и яркое. Нам кажется, что тут есть даже некоторый сказочный элемент. Например, образ птицы, которая стережет эти святыя места.

Источником для поздних рассказов типа быличек явился также культ озера. Поскольку Светлояр и его берега считались «святыми», сюда устремлялись гонимые старообрядцы, а затем и сотни паломников, которые шли на озеро по обету или просто замаливать грехи. Некоторые тут и оставались. Они вырывали землянки и жили в них, питаясь приношениями жителей окрестных деревень. Их называли скрытниками, отшельниками. Одна рассказчица указала нам горы, где жили эти люди. Постепенно в сознании людей, а затем и в рассказах, эти скрытники превращались в святых, а горы, в которых они скрывались, — в тайные невидимые обители, куда нельзя проникнуть простому смертному. Все окружалось ореолом таинственности. Многие отшельники выходили к святому озеру, а люди принимали их за святых, выходящих из гор. Скрытники жгли в своих землянках свечи, а думалось, будто этот свет идет из невидимого подземного мира. Так создавались предпосылки для дальнейшего бытования рассказов.

Есть одно очень интересное, записанное еще в 1930 г. свидетельство, из которого видно, как отшельники постепенно ассоциировались со святыми, а их землянки — с тайными обителями.

«Вот здесь под деревом норка есть... Сюда приносили скрытникам подарочки. Это приносило удачу в хозяйстве. Они, батюшки, все об нас думают, даром, что под земелькой живут. ...каждый образом глядит, куда скотина по лесу ходит, чтоб ни зверь ее не подрал, ни какой вурдалак или нечисть поели»¹⁴. В этом рассказе еще чувствуется, что живущие в горах люди — простые скрытники, но в то же время они уже и святые, которые своими молитвами оберегают людей и скот.

Так постепенно у определенного круга людей, с детства окруженных фантастическими легендами и быличками, укреплялась вера в связанные с озером чудеса. А для натур, особо экзальтированных, скрытый в горах и на дне озера град Китеж становился реальным городом, с которым и по сей день возможно общение. Это поддерживало жизнь легенды.

Мотивы «подземной жизни» тесно вплетаются в легенду о граде Китеже. На основе их соединения создается, например, распространенный рассказ типа былички о чудесном невидимом городе. Основной сюжет здесь — продажа хлеба: «Слух этот был, что шли в полную ночь подводы, и спрашивают: «А мы, чай, сюды едем?» — «А вам куда?» — «А нам в горы». Шесть подвод, и мы посмотрели, они в горы въехали, в этот вражек и больше не вернулись» (А. И. Зеленков, 62 года, д. Нахратово).

Отшельники покупали хлеб у местных жителей, а горы, в которые они потом уходили, воспринимались как дома скрытого города. Со временем эти представления совмещались, художественное воображение создавало из них картину чудес. И уже рассказывали истории не только о том, как обозы выезжали или въезжали в горы, но и о том, как они появлялись из озера.

В другом случае мы встречаем также привязанный к городу христианский мотив нарушения запрета думать о «земном» в момент «видения»: «Каждая гора — все соборы были. Идут старушки, видят, что

¹³ Архив Государственного литературного музея, инв. № 262, п. 2, № 5.

¹⁴ Там же, № 3.

раскрылась гора. Видят, что господь творит. Зовут старушку в горы. А старушка идет и подумала: «А как без меня дедушка будет». А как подумала, так и очутилась, где была» (Н. В. Колпакова, 80 лет, д. Быд-рей). Или повествуется о том, как человек встречается со стариком или старушкой. Они его потчуют, укладывают спать, а наутро человек просыпается где-то на пригорке, а домика, где он провел ночь, не видно. И наконец, еще рассказ, услышанный нами на Озерском. «Отец мой шел мимо озера, вдруг из Хомовицы (холма.— Авт.) выходит девка с ведрами и мимо него в озеро пошла, так и скрылась, так он не помнит, как на Крестике (холме.— Авт.) оказался» (В. И. Федорова, 40 лет, д. Озерское). Здесь мотив подземной жизни соединяется с быличковым мотивом общения с нечистой силой с характерной для быличек концовкой: как только исчезнет странное видение или человек произнесет молитву, он вдруг оказывается в ином месте.

В истории, которые мы здесь привели, до сих пор верят люди старшего поколения (от 50 до 80 лет). Новая жизнь, пришедшая в деревню, поколебала веру в чудеса и сверхъестественные силы. Даже сами рассказчики иногда вели свои повествования не без иронии. Об озере начинают ходить рассказы типа анекдотов. Мы записывали их от пожилых мужчин. В одном из них рассказывается, как некий пройдоха обманул барина, сказав ему, будто китежским жителям нужны сапоги. Барин положил сапоги в выкопанные мужиком ямки, а мужик взял их себе.

Необычайные случаи, происходившие на озере, в большинстве относятся к прошлому. Рассказчики обычно не сами видели что-то, а слышали это от других. Однако и по сей день живут на Светлояре истории, очевидцами которых якобы были сами рассказчики.

Итак, возникновение легенды о порвалившемся городе или обители опиралось на веру в существование «иного мира». Вера в существование города Китежа, подводной церкви укрепились благодаря присутствию в этих местах скрытников, отшельников. В китежскую и другие местные легенды со временем вплелись всевозможные рассказы о чудесах, будто бы произошедших в этих местах.

Характерным элементом рассказов о провалищах, придающим им особую «достоверность» в современном живом бытовании и приближающим их в жанровом отношении к историческому преданию, являются упоминания о «находках», сделанных на дне озера или в местах, якобы связанных с исчезнувшим городом, церковью. Мотивы эти явно вызваны к жизни проводившимися в последние годы подводными изысканиями на озере, работами в этом районе геологов, топографов, археологов: «Ходила наша женщина молиться, у мужичка ночевала. Рассказывал он, что водолазы в озеро лазили, нашли что-то. Мужик говорит, что нашли железо, кресты, пики, даже череп человеческий¹⁵. Второй воз отправляют, куда — не сказал» (М. В. Кулева, 65 лет, д. Кузнецово). Подбор предметов, которые «вывозят» со дна озера, конечно, не случаен. С одной стороны, в подобных рассказах переосмыслиется традиционный мотив «видения» креста или иконы, с другой — именно такого рода предметы действительно находят при раскопках курганов, появление которых здесь связывают либо с татарами, либо с ратниками Ивана Грозного, либо с жившим здесь когда-то народом, который называют «черемисами». В основе этих рассказов лежит представление не о существующем и поныне городе, а о городе, некогда существовавшем.

Из записанных нами легенд о провалищах, связанных с тремя озерами, исторические мотивы наличествуют только в китежской легенде. Записи 1968 г. и более ранние позволили утверждать, что эти мотивы в

¹⁵ В действительности там были найдены только кусочки древесины различных размеров и формы со следами обработки режущими орудиями. См. «Лит. газету» № 40, 1970 и № 2, 1971 г.

основном, восходят к «Книге, глаголемой летописец»¹⁶. В 1969—70 гг. мы уделили больше внимания местным историческим преданиям, которые при общности их мотивов с китежской легендой можно было бы рассматривать как своеобразную «историческую» базу легенды. Конечно, утверждать, что все собранные нами на оз. Светлояр и в его окрестностях исторические предания являются местными, нельзя. Исследователи нижегородского фольклора отмечают, что «местные традиции в нижегородском фольклоре едва заметны. Основной его фольклорный фонд принадлежит к общерусской традиции»¹⁷.

Происхождение оз. Светлояр в большинстве вариантов легенды связывается с провалом города или монастыря, который хотели захватить и разрушить завоеватели — татары. А вот что рассказывают в этих же местах в предании о происхождении оз. Красный Яр. Плотник Гаврила освобождает пленниц татарского хана Илиндика. Ночью, убегая от погони, он крикнул: «Мать — сыра земля, помоги мне!» И в тот же миг земля под татарами разверзлась, и все они упали в бездонную яму, которая тут же заполнилась красно-огненной массой. Затем красно-огненная масса снова ушла под землю, а яма заполнилась водой. Так образовался Красный Яр»¹⁸. Составляющие это предание мотивы входят и в состав китежской легенды. Правда, становясь составной частью другого фольклорного жанра, они несколько изменяются. Так, молитва о спасении в легенде обращена к богу, а в предании — к земле.

Разумеется, мы не беремся утверждать, что мотивы данного предания были просто перенесены в легенду. Вопрос о влиянии и взаимосвязи местных легенд и исторических преданий сложен, и решится он лишь тогда, когда будет изучена история заселения этого края.

В обследованных деревнях широко бытуют предания, в которых упоминается тропа, по которой, согласно легенде, татары вышли к Светлояру. Одни называют ее «ратной», потому что Иван Грозный шел ею походом на Казань, другие связывают с татарами и называют Батыевой или Мамаевой. Встречаются и такие свидетельства, в которых тропу тоже называют «ратной», но связывают ее все-таки с татарским нашествием. Это, конечно, не случайно: легенда о Китеже, в которой большую роль играют татары, ищет «реальных» следов их присутствия на озере. И тропа, по которой мог двигаться к Казани Иван Грозный, превратилась в тропу Батыя, так как события татарского нашествия, благодаря легенде, ярче запечатлелись в народной памяти, чем все, что связано с более поздним по времени походом Ивана Грозного.

Что же касается названия тропы, и Мамаевой и Батыевой, то это, надо полагать, происходит потому, что исполнители не видят разницы между этими двумя татарскими полководцами, относя того и другого к XIII в., т. е. ко времени завоеваний Батыя и провалу Китежа. Об этом смешении говорят такие записи: «Старики рассказывали, когда было нашествие татар Батыя, там была Мамаева тропа, двигались они (татары) по ней» (А. Г. Зеленова, 70 лет, д. Нестиары).

Большинство топонимических преданий, где названия объясняются исторически, связано с татарским нашествием. Но топонимика связана не с Батыем, а с другим татарским ханом — Мамаем. С именем этого татарского полководца (а иногда с бежавшим из татарского войска русским человеком по имени Нестер) связано возникновение и название села Нестиары, а также название озера — Нестиар, о котором расска-

¹⁶ Н. И. Савушкина, Е. Ю. Богданова, Н. Б. Юдина, М. Ю. Юхневич. Указ. раб., стр. 79; Н. И. Савушкина, Легенда о граде Китеже в старых и новых записях, стр. 65, 70.

¹⁷ В. М. Потявин, Собрание и изучение фольклора Горьковской области, «Народная поэзия Горьковской области», вып. 1, Горький, 1960, стр. 371.

¹⁸ Архив Горьковского государственного университета, 1965, кол. 29, папка 27, № 53.

зывают почти то же, что о Светлояре, но не связывают провал с татарским нашествием. С сухим местом, которое называется «Кладовая грива», среди болот, окружающих оз. Камское, связывают гибель хана Мамай. Называется оно так потому, что перед смертью Мамай будто бы оставил там клад, и до сих пор находятся охотники искать его (П. З. Беленков, 79 лет, с. Нестиары). «Татарская голова» — тоже грива (сухой лес), в которой погиб татарин. Где лежала его голова, образовалась яма, которая не зарастает и в которой круглый год стоит вода (М. А. Скатова, 58 лет, д. Рогово). Этот источник находится близ оз. Нестиар, а недалеко от Светояра есть Кибелецкий ключ, но, в отличие от первого, он почитается святым, потому что здесь погиб не враг — татарин, а защитник Китежа — святой князь Георгий.

Одна из деревень в окрестностях Озерского называется Якшиха. Это название тоже связывают с татарским нашествием. «Когда татары пришли на место, где позже была основана деревня, они обрадовались удобной позиции и воскликнули: «Якши!», что значит «хорошо». И стала деревня называться «Якшиха» (В. И. Морев, 82 года, д. Нахратово).

Топонимика — одно из свидетельств того, как раздвинулись границы бытования легенды по сравнению с «Летописцем», на которого, как считалось, она полностью опиралась в своей исторической части.

Лес недалеко от Светояра называется «Конь», потому что в нем убили китежанина Василия, который, чтобы спастись от татар, выехал на коне из Китежа (С. В. Лисуновская, 63 года, с. Владимирское). Легенда выходит из рамок «Летописца», топонимика закрепляет новый мотив, новую деталь легенды, обеспечивая ей тем самым более долгую жизнь.

Конечно, бытование исторических преданий, повествующих в большинстве своем о татарах, об оставленных ими курганах,кладах, богатая местная топонимика, также связанная с татарами, не могли не повлиять не только на образование, но и на широкое распространение китежской легенды.

Исторические предания были той благодатной почвой, на которой, впитав в себя значительную часть их мотивов, выросла историческая основа китежской легенды. Легенда, в свою очередь, дала толчок для образования новых преданий и до сих пор живет именно в силу их распространенности.

Итак, китежская легенда в сочетании с культом оз. Светояр представляет собой сложное и развитое образование, оказавшееся более жизнеспособным в системе других местных озерных легенд и преданий о провалищах. Все они опираются не только на традиционные суеверные представления, выраженные в быличках и легендах, но и на идеи старообрядчества, развитые народом в духе социального утопизма, а также на местные исторические предания. При этом нельзя не учитывать и обратного влияния озерных легенд на местную несказочную прозу, а также влияния китежской легенды на другие, менее развитые, а возможно (как, например, легенда об Озерском), и более позднего происхождения. Это отдельные большие вопросы, связанные со сравнительно-историческим изучением легенд.

Связь устной китежской легенды с местной несказочной прозой, очевидно, была исконной и послужила причиной прочного прикрепления легенды к Светояру и ее длительного бытования в окрестностях озера. С другой стороны, китежская легенда, сам культ озера сильно повлияли на сюжетный состав местной несказочной прозы.

Собственно легендарная часть повествования о Китеже и других провалищах этого района близка многочисленным рассказам о сокровенных обитателях, религиозных чудесах и знамениях, в прошлом широко бытовавшим на территории теперешнего Воскресенского района. Идеология старообрядчества, выражавшаяся в идее ухода из мира Антихриста, смыкалась с социально-утопическими представлениями об «обе-

тованной» земле, счастливой жизни в ином мире. Очевидно, позже в легенду проникла идея наказания за грехи и возможности провала в результате стихийного бедствия.

Рассказы о «чудесах» и «видениях» на Светлояре, многие «достоверные» свидетельства существования Китежа близки быличкам, активное бытование которых в данном районе вплоть до последнего времени переплетается с суеверным восприятием реальных фактов религиозной жизни (жительство отшельников в горах, одаривание их, богослужения на берегу, обычай жечь там свечи и т. д.).

Собранные нами материалы о местных исторических и топонимических преданиях позволяют связать историческую часть устной легенды не только с «Летописцем» (который, как мы ранее говорили, «подавил», «вобрал» местные предания), но и с самими этими преданиями, по преимуществу связанными с татарским нашествием.
